

БЕСЕДА С КООРДИНАТОРОМ ЖЕНСОВЕТА «ЛИДЕР»,
ДОЦЕНТОМ ВГУ МАРИЕЙ ТАБАЧНИКОВОЙ

«Я СМОТРЮ В БУДУЩЕЕ С ОПТИМИЗМОМ»

Мария Брониславовна Табачникова – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления организациями экономического факультета ВГУ. А ещё она – координатор женсовета Воронежской региональной общественной организации «Лидер», объединившего жён воронежских бизнес-лидеров. Сегодня они пытаются возродить в нашем городе традиции благотворительности.

Мы встретились с Марией Табачниковой, чтобы поговорить о духовно-нравственной роли женщины в семье и обществе, а также об этических нормах, которые существуют в семьях сотрудников университета.

Мама, благодарю вас за согласие на эту беседу. Оказалось непросто собрать о вас информацию, не смотря на то что вы ведёте публичный образ жизни и много времени тратите на общественную деятельность. Поэтому мой первый вопрос очень личный. Ваша мама много лет работала в университете на экономическом факультете. Что для вас значила её работа, что значило расти в университетской семье?

– Мама была хорошо образованным человеком, что было, как я понимаю, обусловлено тем, что она училась в Москве и имела огромный интерес к жизни: очень любила балет и оперу, ходила по несколько раз на многие спектакли. Чтобы попасть на балеты с Майей Плисецкой, стояла с подружкой по ночам в очереди за билетами.

Откуда у неё это – не очень понятно, потому что родители её были из простых крестьянских семей. Дедушка и бабушка познакомились на высших партийных курсах. У них была хорошая память, но имели они по четыре класса образования. У дедушки неплохо складывалась партийная карьера... И мама, когда росла, любила ходить в театр везде, куда семья переезжала по работе деда.

Кроме того, мама была прекрасным рассказчиком. То есть она не просто ходила на спектакли и фильмы, а, возвращаясь из театра, устраивала продолжение представления, в подробностях рассказывая об увиденном. Так было и когда она студенткой жила в Москве в общежитской комнате на восемь человек, и когда она делилась своими яркими впечатлениями с домочадцами.

Я благодарна маме за то, что она воспитала во мне уважение и привязанность к преподавательской профессии. Своим примером показала, что на этом поприще реализуется очень многое. Ты постоянно развиваешься, общаешься с молодёжью и раскрываешь свой актерский потенциал, если он есть. Когда ты приходишь в аудиторию, то тебе надо удерживать внимание, привлекать присутствующих своим видом, речью, интонацией, мыслями... Мои ассоциации преподавательской работы с актёрством – это в большей степени от мамы, чем от папы. Потому что папа всегда где-то блистал вовне, а мама – дома. Её сцена была дома.

Мама была очень требовательным человеком – требовательная к себе, требовательная к нам. Когда она с нами садилась делать уроки, папа всегда шутил, что он с нами на всякий случай прощается...

Маленькая Маша с родителями. 1969 год

Потому что мама всегда говорила, что «четвёрка» – это не оценка. Это путь к «тройке». А «тройка» – это уже всё – путь к дворнику. Такая была у нас очень короткая диагональ.

И конечно, я была знакома с её коллегами по кафедре. Когда она заболела, мне по электронной почте приходило много писем с пожеланиями здоровья маме, очень многие писали и говорили, что мама была прекрасным преподавателем.

– То есть выбор экономической специальности...

– У меня не было выбора экономической специальности. Я заканчивала прикладную математику и там училась на кафедре математических методов исследования операций. И пришла я на экономический факультет работать, поскольку там были востребованы те знания и навыки, которые дал факультет ПММ. И за выбор факультета я очень благодарна родителям... В 17 лет девочке очень сложно сделать выбор профессии...

– После «басовки»?

– Нет, гимназии Кольцова. То есть у меня был, в принципе, хороший английский, и я понимала, что на РГФ мне идти уже не надо. И как-то больше мне нравились логические задачи. А историю и обществознание – всё это в университете я, скорее, через друзей полюбила.

– А папа, как историк, не предлагал заняться историей?

– Папа не предлагал. И у меня этот интерес в школьные годы не возникал. Он, видимо, где-то в глубине души зародился, но мне никогда не было понятно: как это можно рассказывать одновременно про крестьян, про орудия труда, про какой-то культурный слой. Я не понимала, как это всё соединяется вместе. Вот эта система ко мне пришла, конечно,

через друзей. Потому что друзей-историков было у меня много – как-то так сложилось.

– Маша, вспомните самый яркий эпизод из детства.

– Совместные поездки летом. Мы всегда проводили летние каникулы всей семьёй... Самой яркой была, наверное, поездка в Прибалтику. В Ригу, в Елгаву... Там жил папин брат. Ездили туда несколько раз. Очень чистый, зелёный, аккуратный, с красивым парком городок. Другая культура, необычная архитектура...

Ещё очень светлые воспоминания от встреч с папиными друзьями. Их шесть одноклассников, которые и до сих пор – им теперь по восемьдесят лет – встречаются. Шесть друзей, с которыми он дружит с четвёртого или пятого класса. Раньше приезжали семьями в гости друг к другу. Мы встречались в Днепропетровске, в Одессе... Сидели за огромным столом... А какие сценки и концерты папа с нами организовывал!

– В годы вашего детства в стране было немало социальных трудностей. Наверняка и у молодой семьи с детьми, которая стремилась как-то стать на ноги, были проблемы... Что приходилось преодолевать университетской семье в те годы?

– А вот я не видела этих сложностей. Нет, они наверняка были, но они прошли мимо меня, я не чувствовала никогда проблем. Единственно, мама всегда очень переживала, что не удаётся переехать в новую квартиру. Мы жили то на пятом этаже в двухкомнатной квартире, то в каком-то жутком дворе. Вот ей и хотелось поменять жильё. Очень! Поэтому она была так счастлива, когда мы переехали в дом, где был магазин «Электроника», готова была ночевать там на голом полу. Потому что это была какая-то новая, чистая, светлая квартира – трёхкомнатная. Мама очень хотела, чтобы у нас было своё место, у папы был кабинет. Ей было это важно. Вот это я помню... А финансовых трудностей не помню. Мы ходили в гости по субботам и воскресеньям, к нам приходили гости, мама с папой очень часто посещали театр, нас с собой брали...

– То есть положение вузовских преподавателей было достаточно стабильным?

– Достаточно стабильным, и я чувствовала даже среди одноклассников себя очень уверенно, хотя училась в гимназии Кольцова среди детей партийных работников.

– А сёстры? Как сложились их судьбы? В Воронеже вы одна остались?

– Да. Лена, моя сводная сестра, жила со своей мамой в Ярославле, где и продолжает жить. Приезжала к нам... А Полина, моя родная сестра, училась

Большая семья Бронислава Яковлевича Табачникова. 5 августа 2016 года

на РГФ, хотя собиралась поступать в мединститут. Когда папа узнал об этом, то устроил её в восьмом классе санитарочкой в глазную больницу. И она быстро передумала. Потом у неё ещё была идея идти на юрфак, но тоже как-то быстро в десятом классе поменяла решение. Поступила на РГФ, и на третьем курсе уехала по обмену в Соединённые Штаты Америки. Там проучилась год, а затем её пригласили в магистратуру. Осталась ещё на год, вышла замуж, и вот уже 22 года живёт там.

– Как много в одной семье было университетских людей! Наверняка университетские темы были популярными...

– Я жила ими. Мы с детства обожали с моим одноклассником Валерой Мироненко, у которого мама тоже работала в университете, бегать в главный корпус и там проводить много времени. Я даже себе не представляла, что после школы можно идти в другое место учиться, кроме университета. И когда мне предложили – я была уже студенткой ВГУ – перевестись в МГУ на социологический факультет – там, видимо, был какой-то недобор, – я категорически отказалась. Две мои подружки уехали, а я ни в какую. Не представляла себе жизни без мамы, дома, Воронежа, Воронежского университета.

– Университетским человеком в те годы был и ваш папа. Сегодня он главным образом известен воронежцам как музыковед, художественный критик, просветитель. Как-то Бронислав Яковлевич с гордостью говорил о том, что стремился создать в доме творческую атмосферу, приглашая в гости ярких артистов и музыкантов, которые приезжали в Воронеж на гастроли. А вы это помните? Для вас это было важно?

– Мы, конечно, тогда не понимали ещё значимости наших гостей. Караченцов, Басилашвили, Табаков... Но общение, действительно, было потрясающим: живым и интересным, наполненным театральными импровизациями и шутками.

– И любовь к классической музыке тоже идёт из детства?

– Нас, конечно, приучали к серьёзной музыке, водили на филармонические концерты, но мы там скучали. Только с годами пришло и глубокое понимание музыкальной классики, и душевное притяжение к ней, и эстетический отбор из огромного наследия именно тех музыкальных произведений, которые созвучны моему внутреннему миру. Конечно, усилия, которые прилагали родители к нашему воспитанию, были очень значимы. Просто не всегда это осознаёшь в детском возрасте. Авторитет родителей в наших глазах был огромным. Очень важно, что они были для нас образцом для подражания. Они формировали своего рода установки на будущую жизнь. Вот, например, я маме очень благодарна за то, что она научила ценить, уважать и любить мужчину, восхищаться своим партнёром. К нашему папе такое отношение всегда было в семье, мама была абсолютно «растворена» в отце и передавала нам, дочерям, это чувство.

– Мы с вами сегодня очень много говорим о семье. И вы, Маша, будучи председателем женсовета объединения «Лидер», уделяете немало времени укреплению в обществе семейных ценностей. А что представляет собой эта общественная организация? Неискушённому воронежцу она видится клубом жён богатых и влиятельных мужей нашего города. И функции этого собрания, скорее, представительские, чем рабочие...

Мария Табачникова на благотворительной акции «Белый цветок». 2013 год

– Вы правы, когда говорите о том, что женсовет состоит из жён высоко обеспеченных воронежских бизнесменов. Но именно потому, что у этого объединения есть некоторые рычаги финансового влияния на культурные и социальные процессы в городе и области, наши встречи заканчиваются реальными делами.

Глобально мы ставим перед собой непростую задачу: улучшение качества человеческого капитала Воронежской области. Это в первую очередь касается поддержки одарённых детей. А это значит, что надо выявить тех самых одарённых детей и далее создать условия для их творческого роста. То есть способствовать тому, чтобы развивалась система дополнительного образования, активно работали коллективы, кружки, секции, причём работали в актуальных направлениях, на современном оборудовании... И не только в городе, но и в сёлах.

– А программа инклюзивного образования не мешает развитию одарённых детей? Если в классе сидит ребёнок с определёнными физическими или психическими отклонениями, то учителю приходится подстраиваться под средний уровень, и тогда ему уже не до талантливых и хорошо подготовленных учеников.

– Инклюзия, на мой взгляд, этому не противоречит. Инклюзия – это очень важный социальный момент. И мы прописали в своей деятельности, что все инклюзивные проекты с удовольствием поддержим, потому что считаем: они очень важны для нормальных детей. Более важно, может быть, именно для них, а не для детей с особенностями. Надо, чтобы они развивали не только свои интеллектуальные способности, но и человеческие качества. И, как показывает опыт, инклюзия этому способствует. Поэтому какие-то проекты с фондом «Выход», который работает с детьми-аутистами, мы в следующем году обязательно начнём осуществлять.

Что касается инклюзивных школ и детских садов, то, конечно, необходима особая организационная культура, особенно ребёнку нужны свой тьютор и педагоги, способные с этой категорией детей работать. Инклюзия требует качественного повышения уровня школы в целом.

– Ну а специализированные школы?

– Мы считаем очень удачным опыт пансионата «Солнышко», куда на три недели приезжают одарённые дети. Помимо школьной программы они осваивают особые программы развития, общаются друг с другом, решают творческие задачи. Мы эту школу очень поддерживаем.

– То есть школа для одарённых детей должна быть дополнительной к общеобразовательной?

– Скорее так. Мы считаем очень важной задачей развитие дополнительного образования. В этом году наш фонд оказал поддержку районным станциям юных техников, переоснастил их современными наборами для моделирования и конструирования роботов. Мы также поддержали несколько станций юных натуралистов.

– Насколько знаю, ваш женсовет уделяет внимание и поддержке семейных ценностей...

– Пока у нас был один такой опыт. Мы проводили круглый стол на эту тему. Участвовали представители женсовета и журналисты, мы пытались сами понять алгоритм дальнейших шагов.

Вот, например, мы уже не один год проводим акцию «Воскресенская роща», когда вместе с детьми покупаем саженцы деревьев и высаживаем их. Наши аллеи теперь есть в парках «Южный», «Алые паруса» и на набережной.

– А если вам деревья посадить вблизи учебных заведений? Представляете, какая красивая акция: дети посадят деревья, а потом, когда придут в университет учиться, деревья их будут встречать.

– Тамара, это самая большая проблема – где провести такую акцию. У нас каждый раз с этим возникают сложности: там нельзя, там нельзя...

– Между корпусами экономического факультета и журфака есть небольшое место...

– Ну это только кажется... А когда возникает конкретная ситуация и мы спрашиваем, можно ли посадить саженцы, причём за свои деньги, то выясняется, что нельзя. В этом году у нас была просто жуткая ситуация. Мы хотели вокруг какой-то больницы посадить, не получилось...

– А если мы следующей весной подключим ещё и студентов...

– Да мы с удовольствием. Просто, как выяснилось, это достаточно серьёзный организационный

момент. С городской экологией согласовывать вопросы каждый год всё труднее и труднее.

– **Ваши проекты носят явный филантропический характер. А как в целом в обществе обстоит дело с благотворительностью?**

– Так вот специально исследования не проводила – не знаю: много ли у нас благотворительных фондов, достаточно или нет. Я чувствую потребность у людей в оказании благотворительной помощи в какой-то мере сформированной. Например, я вижу по своим студентам, что они с огромной готовностью откликнулись на эти акции...

– **Как волонтеры?**

– Как организаторы.

– **Но им не надо было вкладывать собственные средства?**

– Получилось так, что и в одном, и в другом случаях они вкладывали собственные средства, поскольку уже втянулись в эту деятельность. Они не могли оставаться равнодушными... И по студентам, и по тем людям, с которыми я общаюсь, вижу, что эта потребность сформирована. То есть с большим удовольствием, конечно, помогают больным детям, бездомным животным... Значительно сложнее, может быть, старикам. Экологические проблемы – ещё сложнее. И совсем сложно – культура и образование.

– **А в чём причина? У нас есть много компаний и богатых людей, которые могли бы помогать культуре без ущерба для собственного развития. Но мы знаем в Воронеже очень мало имён тех, кто вкладывает деньги в культуру, образование, социальную сферу. Почему так происходит? Почему приходится долго стучаться, и редко эту дверь открывают?**

– Всему своё время, Тамара. Мне кажется, что просто должна сформироваться эта потребность. Двадцать лет капитализма – это слишком мало для того, чтобы возникла такая устойчивая потребность, такой устойчивый институт...

– **А благотворительность – это всё-таки проявление развитого капиталистического общества?**

– Да. Хотя это, конечно, старые категории – развитое капиталистическое общество. Точнее, рыночное общество. Это даже ближе к пирамиде Маслоу, когда все базовые потребности удовлетворены, и уже хочется удовлетворения потребностей социальных и самореализационных. И вот чтобы у людей возникло такое осознание, должно пройти время. И не все богатые люди будут помогать культуре и образованию. Даже когда будет высокий уровень жизни...

– **К сожалению, должна признаться, что, не будучи экономистом, совсем пессимистично смотрю на вот этот ваш прогноз – всему своё вре-**

Члены женсовета «Лидер» в детском реабилитационном центре «Парус надежды». 2013 год

мя. Потому что, по моему ощущению, ситуация становится не лучше, а хуже. В том смысле, что появляется много людей с низким уровнем доходов, выпускники в течение длительного времени не могут найти работу. Плюс события в мировой политике. И поэтому такое ощущение, что время благотворительности наступит не скоро.

– Трудно говорить. Это же такие разнонаправленные тенденции. С одной стороны, идёт расслоение общества – то, о чём вы говорите, – на ещё более богатых и ещё более бедных. А с другой стороны, вот это расслоение не может не мешать очень богатым людям. Ведь им же тоже хочется высокого качества жизни. И они понимают: чем сильнее расслоение, тем хуже уровень их жизни. Они не могут обеспечить себе достаточный уровень безопасности. Остаётся одно – уезжать, но тогда они лишаются возможности зарабатывать в таком же объёме...

– **Скажите, как человек, знающий университет. Вот совершенно очевидная вещь, просто не требующая даже доказательства, что университет – уникальный центр в регионе, который способствует улучшению качества жизни. Университет выпускает из своих стен подготовленных специалистов, людей с высокой культурой, предполагаю, что и сегодня качество выпускников университета достаточно высокое. А финансовых трудностей у вуза сегодня очень много. И вот как нам всё-таки достучаться до тех самых богатых людей, которые удовлетворили первичные потребности и могут думать о том, как улучшить качество жизни? И не только своё, но и окружающих людей. Университет нуждается в том, чтобы помогли в финансировании гуманитарных специальностей. Он нуждается в том, чтобы были какие-то именные стипендии для тех же самых одарённых студентов и для**

преподавателей, которые, конечно, не имеют адекватной оплаты труда. Чтобы развивать инфраструктуру, порой не хватает даже технической базы, чтобы мы могли заниматься наукой. Как нам внушить богатым людям – не в далеком будущем, а сегодня, – что университет требует внимания, как и одарённые дети, и бездомные животные, и старики?

– Это очень непростая, многокомпонентная задача...

– В прежние годы университет достаточно серьёзно финансировался государством. Теперь же сокращение государственной поддержки предполагает активное развитие других источников финансовой помощи.

– Для этого должны быть сформированы рыночные механизмы. То есть благотворители должны хотя бы освободиться от налогообложения. Многие из богатых бизнесменов совершенно логично говорят: «Мы же платим налоги, почему мы ещё что-то должны платить? Мы платим достаточно высокие налоги, вот они и должны идти на университет, на культуру, на образование, на медицину. Мы же уже заплатили. Почему мы должны платить дважды?» Вот это первое непонимание.

Второе – надо доносить информацию о том, что интересного, важного, значимого происходит в университете, как влияет университет на формирование городской среды, демонстрировать его системообразующую роль.

– И как мы в будущее смотрим...

– Совершенно верно. А затем, взяв эти деньги, обеспечить полную прозрачность и отчётность. Чтобы люди могли видеть хоть какой-то результат своих инвестиционных вложений в развитие человеческого капитала. Доноров нужно каким-то образом заинтересовать. Вполне возможно – выпускниками, совместными проектами, исследованиями, практикой... Механизмов, инструментов фандрайзинга и работы с донорами изобретено довольно-таки много, но применяются они вяло и неэффективно.

А ещё надо формировать с первых курсов в студентах привязанность к университету, благодарность университету, создавать студенческие сообщества, делать их жизнь интересной. Для того чтобы они потом вспоминали, как им было здорово в студенческие годы и, условно говоря, по пять копеек перечисляли сюда каждый год... Это серьёзная долгосрочная работа. Работа со спонсорами, работа с государственными структурами, работа с выпускниками, работа с грантами...

– И это, наверное, должна делать целая команда...

– Вообще в западных вузах, насколько я знаю, такими вопросами занимается отдельное подразделение, которое работает на постоянной основе, помогает преподавателям писать гранты, работает с выпускниками, ведёт постоянную работу со спонсорами... Проекты же бывают разной тематики и направленности. В реализации одних заинтересованы одни богатые люди, в реализации других – другие. Весьма вероятны какие-то совместные проекты и с областной администрацией...

– Машиа, чувствуется, что вы с оптимизмом смотрите в завтрашний день. В том числе в завтрашний день университета.

– Я вижу большое количество талантливых и умных ребят, которые учатся у нас. Всегда есть 15–20 процентов прекрасных студентов, с которыми очень интересно работать, у которых нестандартное мышление, быстрый ум, у кого горят глаза. Иногда их и больше: у меня были в этом году две группы третьекурсников – просто замечательные. Они быстро приняли студентов из политехнического института, втянули их в свою работу, зажгли своим энтузиазмом. Поэтому говорить, что всё плохо – нет, ни в коем случае.

Мы со студентами-третьекурсниками – я у них веду предмет «Управление проектами» – реализовывали проекты. Первый блок проектов – это проекты университетского уровня. Перед участниками стояла задача собрать внутри университета во время Масленицы как можно больше денег, чтобы научиться применять фандрайзинговые инструменты. Студенты продавали блины, выпечку, каких-то куколок самодельных. Одни собирали деньги мальчику с бронзовой болезнью, другие – фонду «ДоброСвет». За один день удалось собрать 15 и 25 тысяч рублей.

А потом мы уже реализовывали проекты городского уровня, где стояла задача привлечь внимание как можно большего количества горожан. Одна команда студентов сделала музыкально-поэтический вечер в библиотеке Никитина, посвящённый Великой Отечественной войне. Они собрали почти 100 человек и для них читали стихи, пели песни военных лет...

А другие ребята организовали велопробег – от главного корпуса университета до «Динамо». Причём сами решили, что не просто осуществят велопробег, но будут собирать деньги с участников – опять же в фонд «ДоброСвет». Пришло 400 человек. И «ДоброСвету» передали почти 50 тысяч, которые собрали в ходе этой акции.

– То есть всё хорошо?

– Скажем так: всё непросто, но я смотрю в будущее с оптимизмом. Пока у нас есть такие дети, такая молодёжь, всё должно быть хорошо.

Беседовала Тамара Дьякова